

Поэт в России больше, чем поэт

Окончание. Начало на стр. 1

Виталий Коротич – один из отцов нашей гласности, в самом начале перестройки отважно дал мне возможность реабилитировать в «Огоньке» около пятидесяти поэтов-эмигрантов, а также поэтов, замученных в сталинских лагерях, заново открыть забытые и полузабытые имена.

Когда антология «Строфы века» вышла в 1994 году отдельной книгой, она была буквально расхвата-на в нескольких изданиях и сейчас стала библиографической редко-

стью. Многие мне говорили, что она читается как увлекательнейший учебник истории.

Первая антология потянула за собой вторую, над которой я сейчас работаю и которую я назвал «Вначале было Слово...» с подзаголовком «Десять веков русской поэзии». Хочется воскресить всю историю нашей поэзии, а через нее и нашу отечественную историю. В антологии будет три тома – от митрополита Илариона до сегодняшних молодых поэтов. По объему работы это нечто вроде моей личной пирамиды Хеопса. Три тома – каждый около тысячи

страниц. Одному, конечно, с этим не справиться, и, к счастью, у меня есть друг-редактор Владимир Владимирович Радзишевский, в отличие от моего любительского вихревого идеализма, он педантичный и скрупулезный профессиональный знаток литературы, что не отменяет его тайного аристократического романтизма, скрытого под маской на-смешливого скептика. Директор издательства «Искусство» Ерицян нетерпеливо, но с огромным терпением уже лет пять ждет, когда же эта книга будет наконец готова, и однажды вздохнул: «Я понимаю, что вы вдвоем делаете работу целого института».

Я не хочу тем не менее, чтобы это было нечто наукообразное. Мне хочется, чтобы все страницы антологии перелистывались легко, как приключенческий роман, главная героиня которого – русская поэзия.

Учебники истории очень часто

переделываются в зависимости от того, кто у власти. Так, если верить учебникам, центр войны сначала был в кремлевском кабинете Сталина, потом оказался там, где наездами появлялся член Военного Совета Хрущев, потом на Малой Земле, потом в Карелии. А по-моему, центр войны, если верить нашей поэзии, был там, где был Василий Теркин, а этот неунывающий солдат был одновременно на всех фронтах, и он-то и выиграл войну.

В «Казанском университете» у меня были такие строки: «Но не отвернула лик фортуна – мы под сенью Пушкина росли. Слава Богу, есть литература – лучшая история Руси». Такую антологию мы и стараемся делать. Мне пришлось даже перевести самому со старославянского на современный русский, не теряя, однако, очаровательных афоризмов, «Слово о полку Игореве», ибо мне кажется, что я нашел свою

концепцию некоторых провалов в дошедшем до нас тексте. Думаю, что «Слово» было цензуровано княжеской цензурой перед их съездом, ибо слишком пышное восславление князя Игоря в финале не соответствует тому, что он погубил свою дружину, выступив в поход, несмотря на предупреждения матери-природы и мудрого князя Святослава...

Отдельные фрагменты антологии печатались в «Труде», «Новой газете», а сейчас нас радушно приютила газета «Новые Известия», которая своей живостью и независимостью по душе и Радзишевскому, и мне. Здесь пахнет геологоразведочным костром товарищества.

Каждую пятницу вы, дорогие читатели, будете находить рассказы о жизни поэтов Руси – и знаменитых, и неизвестных, их лучшие стихи и мои собственные стихи об этих поэтах. Иногда мы будем нарушать хронологию, то ныряя в глубины истории, то выныривая в двадцатый или даже двадцать первый век.

А начать мы все-таки решили нашего драгоценного наследия – с фольклора. Надеюсь, и вы будете наслаждаться народной мудростью – всегда современной – и дивной звукописью наших народных рифмованных пословиц.

Рифмованные пословицы

**«Авось» да «как-нибудь» до добра не доведут.
Беда вымучит – беда выучит.
Блин – не клин, брюха не расколет.
Бог не поберег – что вдоль, что поперек.
Будь хоть пес, лишь бы яйца нес.
Была бы спина, найдется и вина.
Было ремесло – да хмель заросло.
Весь тут – гол, как прут.
Взяв у черта рогожу, отдашь ему кожу.
Вопрос: что-де бос? Ответ: Сапогов нет.
Вот тебе кукиш – чего хочешь, то и купишь.
Времена шатки – береги шапки.
Горе, что море, – ни переплыть, ни вылакать.
Двое пахнут, а семеро руками машут.
Жилы рвутся от тяжести, слезы льются от жалости.
Жни, баба, полбу да жди себе по лбу.
Знает и ворона, в чем оборона.
Зять любит взят, а теща любит лезть.
И бородавка – телу прибавка.
Каковы сами, таковы и сани.
Кто желает власти, в том ему и пропасти.
Либо сена клок, либо вилы в бок.
Москва бьет с носка.
Народ не кажный, кто с ложкой за кашей.
Небо в тумане, земля в обмане, пусто в кармане.
Недосол на столе, пересол на спине.
Не струшу – хоть на грушу.
Власть не переубавь.
Лучше в рот ей пальца не класть.
Не указывай пальцем – сам будешь старцем.
Плюнешь в рот – еще больше врет.
У Фили пили, да Фили же и били.
Хоть церковь и близко, да ходить склизко,
А кабак далеко, да хожу потихоньку.
Щи – хоть порты полощи.**

«Мирская молва, что морская волна». Кто знает – когда это было сказано впервые? При Иване Калите? При Иване Грозном? При Петре Первом? Кем было сказано? У кого бы ни сорвалась с уст эта пословица, ее автор в этот момент был гениальным поэтом. Эта крохотная поэма одинаково драгоценна и по ее смыслу, приложимому к стольким разным случаям в разные эпохи, и по чарующей слух музыкальной инструментровке, когда каждое слово перезванивается с другим. Услышав такую пословицу однажды, невозможно не запомнить ее на всю жизнь, и не отделить ее словами, а так, как есть, целым слитком слов. Рифма придает дополнительную магическую власть забываемости. Афоризм становится музыкой.

Таких рифмованных пословиц множество в русском фольклоре. Первичное значение рифмованной пословицы безгранично расширяется, становится всеобъемлющей метафорой. Например, «Рыбак рыбака видит издалека» можно сказать и о мошеннике, легко узнающем «своего» в другом мошеннике, и о пьянице, чувствующем себя сразу, как с родным братом, с другим таким же пьяницей и т.д. «Черного кобеля не отмоешь добела» – это совсем не о собаке, а обо всех «суконных сынах» на свете.

А рифма, сцепляющая слова воедино! «Нет порока без порока», «Мороз не велик, да стоять не велит», «Где бабы гладки – там воды нет в кадке», «Была бы булава, найдется и голова» – какое рифменное многоцветье, не говоря уже о темах. Именно в пословицах, даже в старинных, больше всего свежих ассонансных рифм. Неизвестные нам авторы этих пословиц предугадали музыкальное развитие русского стихотворного языка, подсказали А.С. Пушкину, что можно рифмовать «шубу – шуму» («Возьми себе шубу, Да не было б шуму»), Александру Блоку – «вечер – ветер» («Черный вечер. Белый снег. Ветер, ветер! На ногах не стоит человек»), и это подхватили поэты-шестидесятники.

Существует такое определение: «евтушенковская рифма». На самом деле это рифма пословицкая, частушечная. Я не изобрел ее, а лишь разработал, когда еще в детстве днями и ночами про-сигивал над словарем Ожегова, пыта-ясь к каждому слову найти еще не употребленную рифму, и составил под-собную антологию таких рифм. Эту тетрадку у меня «слямзили», но, может быть, даже к лучшему, потому что я за-помнил принцип рифмовки и стал об-ходить без шпалгалки. Все старые словари рифм ограничивались совпа-дением конечных звуков, начиная с ударных гласных, скажем: победа – обе-да, соседа – непоседа, бред – людо-еда, беседа – привереда и т.д. Или: сне-га – телега, бега, коллага, печенег. Я стал рифмовать «победа – победа» или «снега – с неба», когда участниками рифмы становятся все звуки, исключая именно опорные согласные: «-ега» или

«-еда». Я развил ассонансную рифму вслед Семену Кирсанову, «заразив» этой рифмовкой во второй половине XX века не только Беллу Ахмадулину, Андрея Вознесенского, но и многих других поэтов, казалось бы, непреодолимо далеких от меня, например, Евгения Рей-на, Иосифа Бродского и даже старших – Александра Межирова, Булата Окуд-жаву, Юрия Левитанского, Константи-на Ваншенкина.

Некоторые длинные стихи еще в древности становились как бы рассти-лающимися во всю длину развернуты-ми пословицами. Есть одна старинная лихая припевочка «Усы», которая на-ми еще застряла в жиге нерифмован-ного силлабического стиха, но бедра, грудь и мошета рифм на груди – все так и ходит ходуном в такт полусвободного танца. Вот-вот и ритм высвободится, об-растет другими рифмами, как елка – иг-рушками, засверкает, засветится. За-мечателен по музыкальной энергии за-пев: «Эй, усы, усы, усы появились на Ру-си». Потом автор растерялся, потерял рифму и вдруг снова нашелся: «У них уски малы, колпачки на них белы». Ни-как, видно, бедный не мог найти рифму на «бархатные», на «стеганые», плюнул, оставил, как получилось. Попробовал было зарифмовать подряд: «сапоги», «воротнички», «носки», «покати» – все рассыпалось: созвучия были слишком глухие, приблизительные. Заскучал, по-том решил еще раз попробовать. Полу-чилось: «Да ну ее к черту... рифму...» Поч-ти случайно получилось созвучие «то-локна-молока». А в самом конце зазвуча-ли глагольные рифмы – пособил за-лихватский ритм. Раньше думалось: рифмы – это кандалы, в них не попля-шешь. Оказалось – мошета! Русский Омар Хайям – Николай Иванович Глаз-ков – написал когда-то еще в сталинское время:

**«Кому нужны стихи?
Кому, какая польза
От ритма, рифм
и прочих пустяков.
А вы попробуйте
запомнить столько прозы,
Сколько на память
знаете стихов!»**
Он безусловно был учеником рус-ской пословицы:

**«Я на мир взираю
из-под столика.
Век двадцатый –
век необычайный.
Чем столетья интересней
для историка,
Тем для современника
печальней».**

(1937 г.)

Вся литературная Москва знала на память его насмешливые строки:

**«Мне говорят, что окна ТАСС
моих стихов полезнее.
Полезен также унитаз,
Но это не поэзия».**

(1937 г.)

Рифмы настолько звонки и так ввинчиваются в сознание, что попро-буй не zapomни!

В стихотворении «Карьера» у меня есть строфа, которая с Глазкова не списана, но и не могла быть написана, если бы его не было в поэзии:

**«Ученый-современник Галилея
Был Галилея не глупее.
Он тоже знал, что вертится земля,
Но у него была семья».**

Все объясняется просто: у нас об-щая учительница – русская пословица.

Многие западные поэты давным-давно перестали рифмовать серьезные стихи, потому что словари их созвучий так бедны по сравнению с рус-ским языком. Ведь, к примеру, окон-чания существительных в английском, испанском, итальянском, француз-ском изменяются только во множест-венном числе. Нерифмованный стих требует еще большей концентрации смысла, чем рифмованный, еще боль-шей насыщенности неслучайных слов. Таков Шекспир, но там и пятистопный ямб держит форму, как железные об-ручи, и страсть, и мысль, и чеканная афористичность. Очаровательны не-рифмованные «Александровские пес-ни» Кузмина – легкие, как белоснеж-ная кисея, трепещущая над альковым отдыханий, перепутанных страстью. Гениальны «Вольные мысли» Блока, «Обезьяна» Ходасевича. Но в них – же-лезная дисциплина формы. Если риф-мованный стих жидковат, он безволь-но расплывается, как кисель. Недавно прочел огромную антологию русско-го зарубежного стиха. Как всякая ан-тология, она представляет познава-тельную ценность, но, за редкими ис-ключениями, почти ничто не запоми-нается. Да ведь и сами поэты, пишу-щие без рифм, чаще всего не помнят собственных стихов. Самоцветное иг-рище русской рифмы – это русские пословицы.

Рифмованные пословицы – школа поэтической афористики. Пословицы – подсказки на все случаи жизни. Но что надо сделать, чтоб эти подсказки были всегда под рукой? Держать их в памяти. А как? На то и рифма.

**Пословица-прабабушка,
спаси меня, пропадающего.**

**Идет-бредет пословица,
где надо – остановится.
Всё её чутко ловится.
Она не суесловится,
подсказывая нам,
а скажет сноровисто –
и враз не поздоровится
всем на земле лугам.**

**Идет-бредет пословица.
Ее клюка не сломится.
А за плечми котомочка,
где мудрость про запас,
нам вырастит потомочка
умней всех сразу нас!**

**Доброго здоровьица,
прабабушка-пословица!**

Евгений ЕВТУШЕНКО